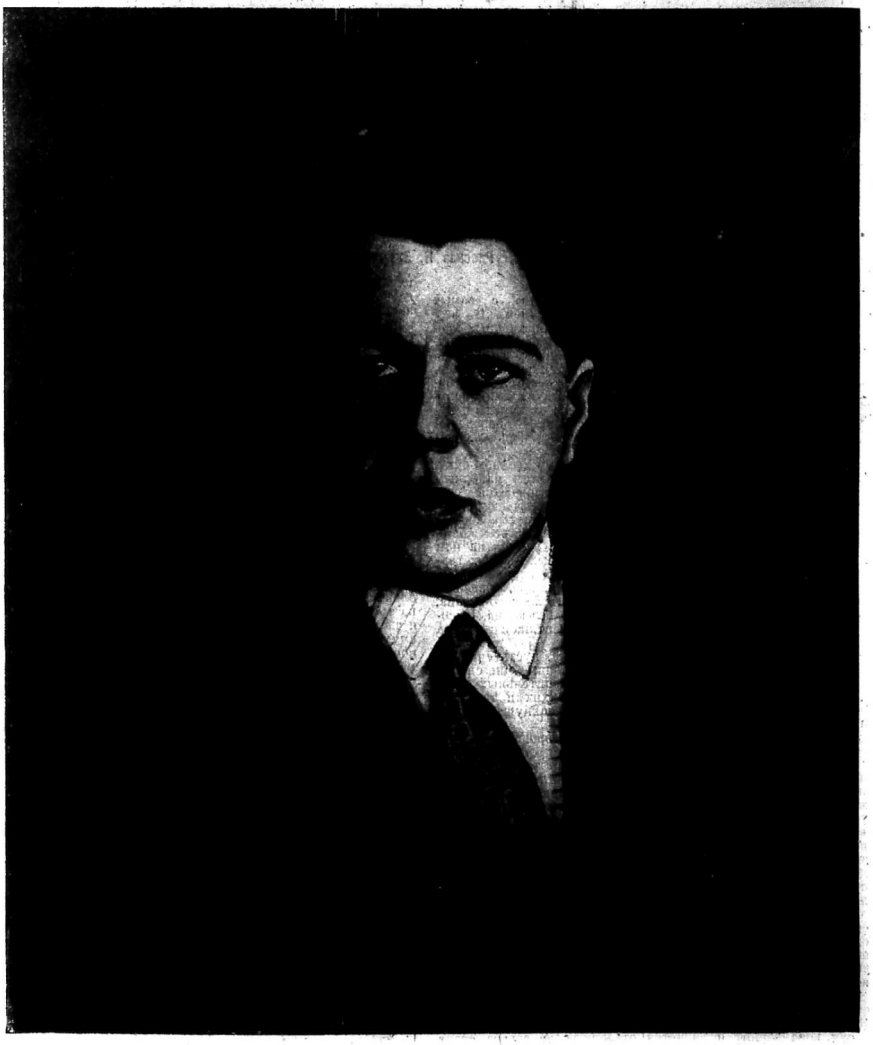
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 23
2 июня 1929 г.

КРАСНАЯ НИВА

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Фото ВЦИК.



ТОВ. СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ СЫРЦОВ

Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР

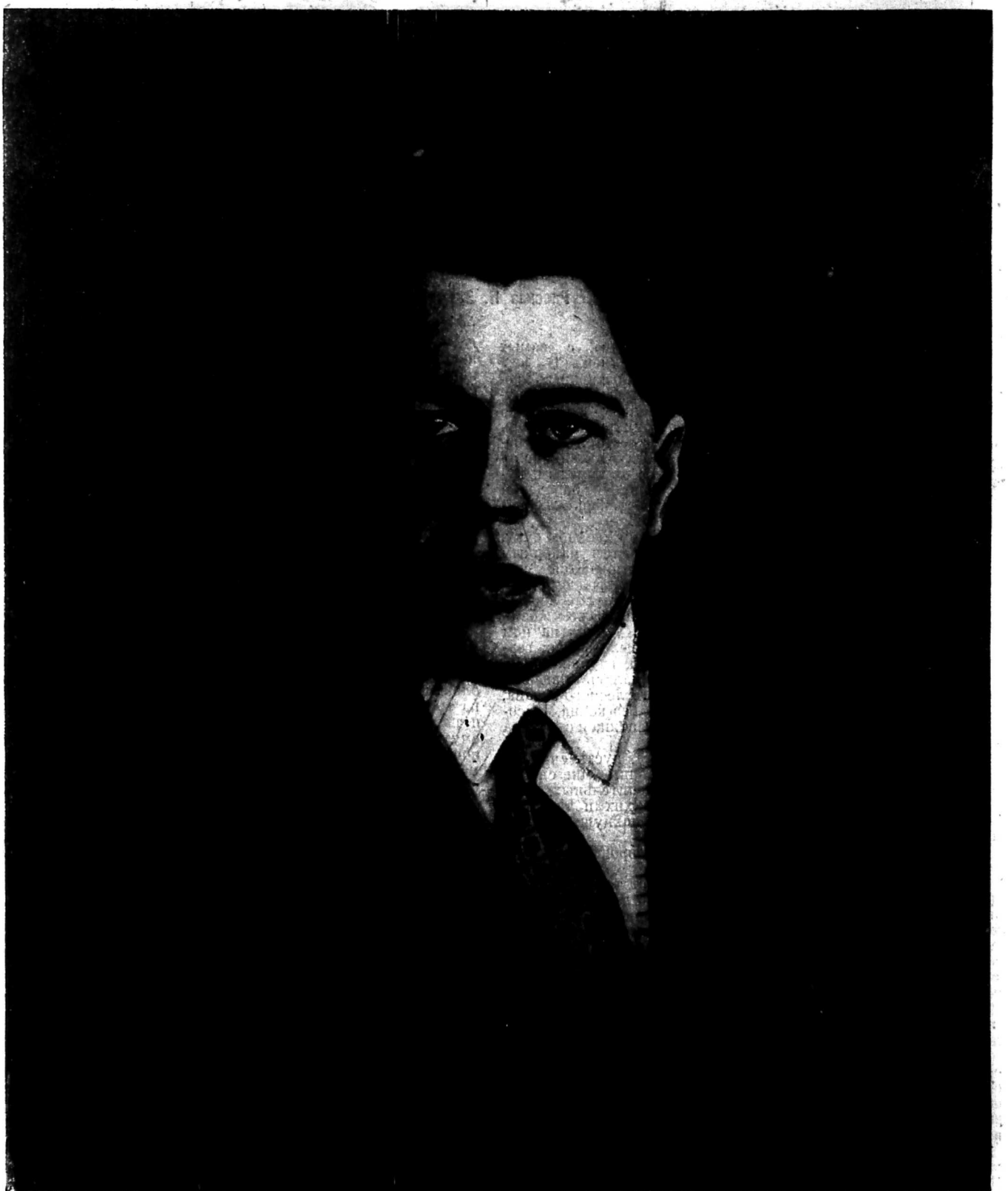
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 23
2 июня 1929 г.

КРАСНАЯ НИВА

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Фото ВЦИК.



ТОВ. СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ СЫРЦОВ

Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР

Новые люди новой земли

Очерк Дан. Крептюкова

ЗДЕСЬ, среди почти безводной степи, где в естественном виде растут только неприхотливые бобовники, полыни, да по солонцеватым местам мясисто-красноватые, похожими жалкие на вид солянки, где даже жесткие, бескровные, утыканные шипами перекати-поле встречается нечасто, где из древесных многолетних только при тщательном уходе выносит пятидесятиградусный зимой и летний зной, белая и желтая акация, тамарикс, туя, шелковица, и весьма редко некоторые из ягодных, где приходится доставать воду из-под восьмидесятисаженной толщи высохшей, как камень, земной коры, где новые поселенцы, прежде чем колонизоваться на этих бескрайных степях, врываются в землю почти на сотню сажен, добывая живоносную влагу — воду, здесь эта вначале маленькая группка оборванных, забитых и слепых по грамотности батраков, безземельных и бездомных, взяла в свои выносливые руки организацию хозяйства коммуны.

Группа членов сел.-хоз. коммуны «Борьба» (Крым, Джанкойский район)

Рано́ими утрами, когда в стенных просторах воспевают восход солнца курлыкающей песней журавли, мы бродили, встречая степной ветерок, вдали от коммуны, верстах в шести. Поюшли к темно очерченному в яркости неба столпу артезианской скважины, приподнятой над землей в виде журавля. Здесь отмечена земля новыми поселенцами. Чумазые, оборванные, выжженные степью и солнцем, они пришли из Красной Татарии (Казань) к своим племенным сородичам, таким же красным татарам Крыма. И вот они роются здесь два месяца и кажется нет конца их работе. Но они крепко верят в то, что зерна будет, и тогда-де чуваль хлеба, золотозернои судаки, может быть, бледно-желтой, уитанной батанки или длинноостых, забастых ячменей.

Подходим к ним вплотную. К нам навстречу, хрипотно тявкая и ярясь, высоко кинет волохматчатый собачонка, а за ее собачонкой подбегают и льнут к нашим коленям почти голые дети. Медленно жуя седой клок бороды в растрескнутых, воспаленных губах, подходит к нам высокий, сутуленный татарин.

— Здравствуй...

Кивнул дружелюбно головой. Выпустил на секунду клуб бороды изо рта.

— Здрастуйте и вы... С чем бог послал?..

Начинаются длинные разговоры о тяжелой жизни в степи, когда еще не докопались до воды, когда утрами познабливает простуженное тело, а желудочная коробка ркает и вздрагивает от постоянного недоедания.

— Но дождаемся... Вижу, что дождаемся!.. Тады зажимем и детей выкормим...

И мы верим твердо вместе с ним, что дождаемся обязательно.

— А казна помогает доставать воду или все это на свои?..

Татарин искидывает тонкие серые, полувыцветшие брови, слегка поводит ими.

— На свои говорите?.. На какие на свои?.. Мы смущены. Нам неловко.

— Да на свои, на деньги?..

Татарин учтиво прячет улыбку в углы рта.

— А где же они у нас, ежели бы не казна?.. Только на казну одна и надежда... Она воду достает, она машину поставила... Наше дело работать на земле, а воду нам подай... Казна-то ведь своя... с-совецка...

Солнце подымается над одной стороной степи, но лучи его еще свежи, зябковаты и девственны. Через часа два оно будет снова обжигать степь, и эту взлохмаченную солнцем, которую почему-то хочется назвать «Репьей» или «Репейкой». У нее законченно озлобленный вид, словно все радости жизни утрачены ею навсегда. Дети почесывают грязные животы, глотают куски хлеба и округлыми, как вишни, глазами, словно испытывая нас, вглядываются.

— А где же теперь воду берете для питья?..

При этом вопросе разогнулась над землей что-то копавшая молодая, с наивным весельем в глазах, девушка. Она разметнула руки, словно хотела пройтись в русской плиске и, слегка картавя, сказала:

— А это все на нашей бабьей шее... Мужики инсплуатациями занимаются... Чисто —живодеры... Нет, чтобы самим сходить по воду... А где же нам наноситься за две-то версты?!

Ближайшая вода была за две версты, но и там она тяжелая, известковая, невкусная и вряд ли здоровая.

Через полчаса, искурив с хозяином остатки наших папирос, поговорив с ним и с его внучкой, которая у себя в поволжской Татарии уже состояла в комсомоле, убедившись, что у этих новых степных людей дело пойдет при их несокрушимой энергии, мы, разнеженные, почти изомлевающие, брели в коммуну.

Только здесь, в коммуне, мы встретили долодшичный—не в теории, а в жизни— живой, совместно действенный, активно добывающий в организованном труде средства существования, остро испытывающий все виды борьбы с природой, пока еще юный—семилетний—интернационал.

Их всего около полутораста человек. Эта цифра колеблется, то увеличиваясь, то претерпевая убыль, потому что всякого рода невыносливый и мало выносливый элемент не уживается в коммуне и уходит либо добровольно, либо же исключается из коммуны волей большинства.

В первые два-три года существования коммуны ее личный состав был настолько текучим, что ежегодно прибывало и убывало в среднем почти по сто новых членов. Но здоровое ядро в коммуне выжило, не ушло, и теперь нередки случаи, когда многие десятки коммунаров живут в коммуне по три-четыре-пять и более лет. Это как раз тот элемент, который смог осознать, переварить, внедрить в свое миропонимание всю многосложность трудовой коммунальной жизни.

Здесь русские, украинцы, белоруссы немцы, эстонцы, литовцы, турки, евреи, греки, армяне, — усатые Бондаренки из Свинячей Кривды под Чигирином и бритолицые Гинцы из-под Мюнхена, Ивановы из-под Чухломы и Маршаки из-под Праги. Здесь грек Афанасопуло управляет трактором, а поляк Жуковецкий из-под Нешавы подвозит ему нефть. Здесь Ивана Соловьева из-под Касимова не отличишь от Мойше Шпигеля из-под Луцка, Леопольда Гинца из-под Мюнхена от Пана Афанасопуло, который детство провел в Греции, а юность в одном из вилайетов старой Турции. Здесь украинец Омелько Очерет из-под Канева женится по любви на еврейке Хае Вишман, круглой сироте, попавшей в коммуну из детского дома и потерявшей родителей во время нашествия одного из «батек» на ее родное местечко. Мы задаем не лишенный некоторого лукавства вопрос Омельку Очерет:

— А давно вже ви побрались з вашою дружиною?..

Омелько Очерет, поддерживая живописную очкурню, всю в блестках и пуговицах, с полным дружелюбием отвечает

— Та вже оце писля жовтневих свят четвертий рик піде...

Мы остро вглядываемся в этого юнотше подого человека и радостно сиг а пинаем:

— А вжеж діточок придбали?..

— А будь невно придбали...

— Хлопчики чи може дівчатка?.. А то може разного дітячого сорту напрацювали?

Омелько раскуривает вертушку и бьет сквозь клубья серовато-сизого дыма:

— Та двое хлопчат и одна дівчинка.

Он застенчиво и по-молодому улыбается, потом вдруг вскидывает ожелклой на солнце шешелюрей и надежливо выкрикивает:

— Та може ж ище будут діточки... Та мы ж ще молоди...

И мы радуемся вместе с Омельком над тем, что он еще молод и что у него жена хорошая коммунарка, и что Омелько Очерет не утрачивает надежды иметь неограниченное никем количество «дівчаток и хлопчиків».

По доброй воле и по силе убеждений собрались здесь люди двенадцати различных национальностей, наречий, бытовых особенностей, но нами не отмечено ни одной черточки национального антагонизма. Это просто людей не интересовало. Все они ели за одними столами, из одного котла, посещали один и тот же клуб, плясали вместе и порознь те пляски, какие кто умел, женились на женщинах других рас, рожали детей, которые уже полностью воспитываются в духе интернационализма.

Селькор Демидов, старик лет шестидесяти, ночной сторож коммуны и большой активист, у которого (по колоритному, но вполне безалобному определению свзнонаса Еремея Решета) еще не так давно «були очи в полуди» (катаракт), имея двух взрослых сынов, теперь, в летние, зоряные вечера ласкает внучат и, нарочито шелестя, шебаршит по-стариковски:

— Ты что, Катька,—хохлушка или кацапочка?.. Ну, скажи, скажи своему деду?..

Дитя радостно пыкает, в трепетном восторге слюнявит грудку рубашонки и хватает ручонками деда за бороду. Дитя еще говорить не может.

Старый ткач Демидов, выходец из-под Москвы, в двадцатом году оставил станок ткача, чтобы в боях с Деникиным отвоевать себе право на дальнейшее существование.

Личный состав коммуны неполон. Надлежало бы его довести, по крайней мере, до двухсот двадцати человек. Следовало бы влить в коммуну еще десять-пятнадцать национальностей, чтобы иметь единственный на нашей планете людской коллектив, в котором работают, устремляются к здоровым целям, размножаются, достаточно культурно живут, исполняют общественно-полезные функции люди... тридцати-сорока различных национальностей.

Борьба с лодырничаньем, с ленью, с головотяпством в работе ведется в коммуне «на все сто процентов», как сообщил нам председатель коммуны, украинец из старой Таврии т. Тищенко. Мы в этих «ста процентах» убедились, испытав сами на себе всю тяготы и упоения мышечного труда. За все время существования коммуны в ней проведено пять чисток личного состава. Из коммуны было изгнано все ленивое, нерачительное, пьяное, идеологически непрыгвшее, чтобы строить эту большую жизнь на совершенно новых основах. Надо думать, что в будущем, при приеме новых членов, здоровое ядро коммуны сумеет подвергнуть всех новичков основательному фильтру и тем самым обеспечит коммуне и в дальнейшем материально и идеологически выдержанное ее процветание на ниве строительства наших колхозов.

Коммуна «Борьба», Степной Крым.

Ленин и антисемиты

Влад. Бонч-Бруевич

АГЕНТЫ царского правительства, «Союз русского народа» и другие черносотенные организации, а вместе с ними духовенство православной церкви, стремились пропагандировать антисемитизм среди коренного населения России, разжигая и раздувая вражду расовую и религиозную. В тяжелые эпохи жизни русского народа,— вспомним японскую войну 1905 г., начало революции, второе десятилетие XX столетия (дело Бейлиса),—народные массы начинали предъявлять власти политические и экономические требования. Тогда многоопытное царское правительство тотчас же прибегало к антисемитской пропаганде, добиваясь погромов, которые были в Кишиневе, Белостоке и во многих других местах. При этом естественные враги и русского и еврейского трудящегося народа— капиталисты еврейские, как и всякие другие капиталисты,—всегда находились под защитой местной полиции, местных властей. Почти нет примера, чтобы во время погрома пострадали крупные еврейские собственники.

После Октябрьской революции богатые всех национальностей были экспроприированы, их собственность перешла к государству, будь то капиталы, фабрики, заводы или земли. Еврейские же рабочие, наравне со всеми другими трудящимися, вошли во все профессиональные, правительственные, политические и партийные органы. В очень многих губерниях евреи стали заниматься земледелием, как и окружающие их крестьяне, получив в надел те земли, которые они имели право получить по закону. Там, где население было слишком стущено и где выход на землю не представлялся возможным, пролетарское правительство Октябрьской революции предоставило еврейскому населению право и возможность поселиться на свободной земле юга России. В настоящее время идут хлопоты об устройстве коллективных хозяйств в Сибири, куда евреи будут добровольно переселяться огромными массами.

В. И. Ленин самым серьезным образом относился к вопросу об антисемитизме и очень серьезно старался всячески противодействовать ему путем правительственных мероприятий. Он говорил, что борьба с антисемитизмом должна быть особенно упорна, длительна и терпелива, так как народные массы в течение веков заражались этим отвратительным предрассудком, который искоренить и уничтожить очень трудно. 26 июля 1918 года, по желанию Владимира Ильича, был разослан из Москвы от Совета Народных Комиссаров всем губернским совдепам по телеграфу декрет, подписанный Лениным и распубликованный в «Известиях ВЦИК» № 158 от 27 июля 1918 г. И до сего времени он имеет силу закона, который необходимо применять во всей строгости революционного времени.

«По поступившим в Совет Народных Комиссаров сведениям,—говорится в этом декрете,—контрреволюционеры по многих городах, особенно в прифронтовой полосе, ведут погромную агитацию, последствием которой были местами эксцессы против трудового еврейского населения. Буржуазная контрреволюция берет в свои руки то оружие, которое выпало из рук царя. Самодержавное правительство каждый раз, когда ему нужно было отвести от себя гнев народный, направляло его на евреев, при этом еврейские богачи всегда находили себе защиту, а страдала и гибла от травли и насилия еврейская беднота. Теперь контрреволюционеры возобновили травлю против евреев, пользуясь голодом, усталостью, а также неразвитостью наиболее отсталых масс и остатками вражды к евреям, которая была привита народу самодержавием. В Российской Советской Федеративной Республике, где провозглашен принцип самоопределения трудовых масс всех народов, нет места национальному угнетению. Еврейский буржуа нам враг, но не как еврей, а как буржуа, еврейский рабочий нам брат. Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима, преступна и позорна. Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ социалистической России всеми средствами бороться с этим злом. Национальная вражда ослабляет наши революционные ряды, единый, без различия национальностей, трудовой фронт, и на руку лишь нашим врагам. Совнарком предписывает всем совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков, ведущих погромную агитацию, предписывается ставить вне закона.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов-Ленин.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич.

Секретарь Горбунов».

Мы видим, что в этом декрете, редактированном и отчасти написанном Владимиром Ильичем, совершенно твердо и определенно еврейский народ, подобно всякому, разделен на два лагеря: трудовое еврейское население и буржуазную его часть. Беря первое под самую полную защиту всей коммунистической партии и советского правительства, Владимир Ильич беспощадно бичует «еврейскую буржуазию,» как и всякую другую буржуазию. Мы знаем, что в ту трудную эпоху коммунистическая партия и советская власть быстро справились с волной антисемитизма, и кампания разъяснения корней антисемитизма, его происхождения и всей его нелепости сыграла полезную роль в самых широких слоях населения.

В последнее время на хозяйственном и экономическом фронте в нашей стране мы наблюдаем целый ряд изменений, вводится рационализация производства, происходит сокращение невозможных учреждений, сжимаются штаты; это не может не обострить временно безработицу. И вот мы вновь замечаем поднятие волны антисемитизма. Правда, мы далеки от всякой возможности каких-либо погромов или прямых враждебных массовых антисемитских выступлений,—кроме отдельных хулиганств,— но везде, особенно в несознательных массах, говорят, шушукаются, рассказывают друг другу всевозможные нелепости по поводу еврейского вопроса.

Пойдите на биржу труда, и вы увидите там огромное количество безработных евреев. Пойдите в казармы, в любую войнскую часть,—вы увидите там много еврейских юношей, которые прекрасно проходят воинскую службу, горя общим для всей страны желанием, когда будет нужно, смело отстаивать наши границы от империалистических врагов.

Владимир Ильич, придававший огромное значение делу борьбы с антисемитизмом, запечатлел на граммофонной пластинке речь против погромов, против травли евреев. Голос Владимира Ильича и доныне разъясняет нам, что антисемитизм должен отойти в область преданий, как отошли в область преданий все старые пережитки, нелепые мнения, домыслы, пошлости и обывательские сказки, вместе со всеми учреждениями самодержавного правительства и все то, что вытекало из их деятельности.

К сожалению, и теперь, когда мы уже далеко шагнули вперед, когда мы строим социализм, когда мощно развивается дело индустриализации нашего социалистического отечества, нам все-таки еще приходится бороться с древней болезнью нашей грежней постылой жизни и вновь и вновь возвращаться к вопросам борьбы с антисемитизмом. Но этот кошмарный пережиток является теперь только случайной накипью нашей жизни, которая должна совершенно изчезнуть под дружным натиском всех просвещенных, культурных, коммунистических слоев нашей страны.

хорошая коммунарка, и что Омелько Очерет не утрачивает надежды иметь неограниченное никем количество «дівчаток и хлопчиків».

По доброй воле и по силе убеждений собрались здесь люди двенадцати различных национальностей, наречий, бытовых особенностей, но нами не отмечено ни одной черточки национального антагонизма. Это просто людей не интересовало. Все они ели за одними столами, из одного котла, посещали один и тот же клуб, плясали вместе и порознь те пляски, какие кто умел, женились на женщинах других рас, рожали детей, которые уже полностью воспитываются в духе интернационализма.

Селькор Демидов, старик лет шестидесяти, ночной сторож коммуны и большой активист, у которого (по колоритному, но вполне беззлобному определению свинопаса Еремея Решета) еще не так давно «були чера ласкает внучат и, нарочито шепелявя, шебаршит по-стариковски:

— Ты что, Катька,—хохлушка или кацаночка?.. Ну, скажи, скажи своему деду?..

Дитя радостно гыкает, в трепетном восторге слюнявит грудку рубашонки и хватает ручонками деда за бороду. Дитя еще говорить не может.

Старый ткач Демидов, выходец из-под Москвы, в двадцатом году оставил станок ткача, чтобы в боях с Деникиным отвоевать себе право на дальнейшее существование.

Личный состав коммуны неполон. Надлежало бы его довести, по крайней мере, до двухсот двадцати человек. Следовало бы влить в коммуну еще десять-пятнадцать национальностей, чтобы иметь единственный на нашей планете людской коллектив, в котором работают, устремляются к здоровым целям, размножаются, достаточно культурно живут, исполняют общественно-полезную работу, не имеющую ни малейшего отношения к религии, и не знают, что такое национальная вражда.

Борьба с лодырничаньем, с ленью, с головотяпством в работе ведется в коммуне «на все сто процентов», как сообщил нам председатель коммуны, украинец из старой Таврии т. Тищенко. Мы в этих «ста процентах» убедились, испытав сами на себе все тяготы и упоения мышечного труда. За все время существования коммуны в ней проведено пять чисток личного состава. Из коммуны было изъято все ленивое, нерачительное, пьяное, идеологически невызревшее, чтобы строить эту большую жизнь на совершенно новых основах. Надо думать, что в будущем, при приеме новых членов, здоровое ядро коммуны сумеет подвергнуть всех новичков основательному фильтру и тем самым обеспечит коммуне и в дальнейшем материальное и идеологически выдержанное ее процветание на ниве строительства наших колхозов.

Коммуна «Борьба», Степной Крым.

Ленин и антисемиты

Влад. Бонч-Бруевич

АГЕНТЫ царского правительства, «Союз русского народа» и другие черносотенные организации, а вместе с ними духовенство православной церкви, стремились пропагандировать антисемитизм среди коренного населения России, разжигая и раздувая вражду расовую и религиозную. В тяжелые эпохи жизни русского народа,—вспомним японскую войну 1905 г., начало революции, второе десятилетие XX столетия (дело Бейлиса),—народные массы начинали пред'являть власти политические и экономические требования. Тогда многоопытное царское правительство тотчас же прибегало к антисемитской пропаганде, добиваясь погромов, которые были в Кишиневе, Белостоке и во многих других местах. При этом естественные враги и русского и еврейского трудящегося народа—капиталисты еврейские, как и всякие другие капиталисты,—всегда находились под защитой местной полиции, местных властей. Почти нет примера, чтобы во время погрома пострадали крупные еврейские собственники.

После Октябрьской революции богатые всех национальностей были экспроприированы, их собственность перешла к государству, будь то капиталы, фабрики, заводы или земли. Еврейские же рабочие, наравне со всеми другими трудящимися, вошли во все профессиональные, правительственные, политические и партийные органы. В очень многих губерниях евреи стали заниматься земледелием, как и окружающие их крестьяне, получив в надел те земли, которые они имели право получить по закону. Там, где население было слишком сгущено и где выход на землю не представляется возможным, пролетарское правительство Октябрьской революции предоставило еврейскому населению право и возможность поселиться на свободной земле юга России. В настоящее время идут хлопоты об устройстве коллективных хозяйств в Сибири, куда евреи будут добровольно переселяться огромными массами.

В. И. Ленин самым серьезным образом относился к вопросу об антисемитизме и очень серьезно старался всячески противодействовать ему путем правительственных мероприятий. Он говорил, что борьба с антисемитизмом должна быть особенно упорна, длительна и терпелива, так как народные массы в течение веков заражались этим отвратительным предрассудком, который искоренить и уничтожить очень трудно. 26 июля 1918 года, по желанию Владимира Ильича, был разослан из Москвы от Совета Народных Комиссаров всем губернским советам по телеграфу декрет, подписанный Лениным и распубликованный в «Известиях ВЦИК» в № 158 от 27 июля 1918 г. И до сего времени он имеет силу закона, который необходимо применять по всей строгости революционного времени.

«По поступившим в Совет Народных Комиссаров сведениям,—говорится в этом декрете,—контрреволюционеры во многих городах, особенно в прифронтовой полосе, ведут погромную агитацию, последствием которой были местами эксцессы против трудового еврейского населения. Буржуазная контрреволюция берет в свои руки то оружие, которое выпало из рук царя. Самодержавное правительство каждый раз, когда ему нужно было отвести от себя гнев народный, направляло его на евреев, при этом еврейские богачи всегда находили себе защиту, а страдала и гибла от травли и насилия еврейская беднота. Теперь контрреволюционеры возобновили травлю против евреев, пользуясь голодом, усталостью, а также неразвитостью наиболее отсталых масс и остатками вражды к евреям, которая была привита народу самодержавием. В Российской Советской Федеративной Республике, где провозглашен принцип самоопределения трудовых масс всех народов, нет места национальному угнетению. Еврейский буржуа нам враг, но не как еврей, а как буржуа, еврейский рабочий нам брат. Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима, преступна и позорна. Совет Народных Комиссаров об'являет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ социалистической России всеми средствами бороться с этим злом. Национальная вражда ослабляет наши революционные ряды, единый, без различия национальностей, трудовой фронт, и на руку лишь нашим врагам. Совнарком предписывает всем совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков, ведущих погромную агитацию, предписывается ставить вне закона.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов-Ленин.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич.

Секретарь Горбунов».

Мы видим, что в этом декрете, редактированном и отчасти написанном Владимиром Ильичем, совершенно твердо и определенно еврейский народ, подобно всякому, разделен на два лагеря: трудовое еврейское население и буржуазную его часть. Беря первое под самую полную защиту всей коммунистической партии и советского правительства, Владимир Ильич беспощадно бичует еврейскую буржуазию, как и всякую другую буржуазию. Мы знаем, что в ту трудную эпоху коммунистическая партия и советская власть быстро справились с волной антисемитизма, и кампания разъяснения корней антисемитизма, его происхождения и всей его нелепости сыграла полезную роль в самых широких слоях населения.

В последнее время на хозяйственном и экономическом фронте в нашей стране мы наблюдаем целый ряд изменений, вводится рационализация производства, происходит сокращение всевозможных учреждений, сжимаются штаты; это не может не обострить временно безработицу. И вот мы вновь замечаем поднятие волны антисемитизма. Правда, мы далеки от всякой возможности каких-либо погромов или прямых враждебных массовых антисемитских выступлений,—кроме отдельных хулиганств,—но везде, особенно в несознательных массах, говорят, шушукаются, рассказывают друг другу всевозможные нелепости по поводу еврейского вопроса.

Пойдите на биржу труда, и вы увидите там огромное количество безработных евреев. Пойдите в казармы, в любую воинскую часть,—вы увидите там много еврейских юношей, которые прекрасно проходят воинскую службу, горя общим для всей страны желанием, когда будет нужно, смело отстаивать наши границы от империалистических врагов.

Владимир Ильич, придававший огромное значение делу борьбы с антисемитизмом, запечатлел на граммофонной пластинке речь против погромов, против травли евреев. Голос Владимира Ильича и доныне раз'ясняет нам, что антисемитизм должен отойти в область преданий, как отошли в область преданий все старые пережитки, нелепые мнения, домыслы, поповские глупости и обывательские сказки, вместе со всеми учреждениями самодержавного правительства и все то, что вытекало из их деятельности.

К сожалению, и теперь, когда мы уже далеко шагнули вперед, когда мы строим социализм, когда мощно развивается дело индустриализации нашего социалистического отечества, нам все-таки еще приходится бороться с древней болезнью нашей прежней постылой жизни и вновь и вновь возвращаться к вопросам борьбы с антисемитизмом. Но этот кошмарный пережиток является теперь только случайной накипью нашей жизни, которая должна совершенно исчезнуть под дружным натиском всех просвещенных, культурных, коммунистических слоев нашей страны.